

ДО МУРАШЕК

Ольга Толкмит о том, как почувствовать себя героиней фильма «Приходите завтра...», об уместности крика и о жизни на два дома

Текст \ Валентина Старова

Пятого ноября в рамках X Международного фестиваля вокальной музыки «Опера Априори» и по случаю 150-летия Густава Холста в Москве впервые прозвучат его «Гимны Ригведы» для хора и одноактная опера «Савитри» на либретто автора по мотивам эпизода древнеиндийского эпоса «Махабхарата». Заглавную партию в ней исполнит сопрано Ольга Толкмит. На ноябрь у Ольги запланирована еще одна оперная премьера – главная роль в «Тоске» Пуччини в «Геликон-опере».

Существует довольно распространённое мнение, что опера многих отпугивает. Как вы считаете, почему? Я думаю, ее представляют как что-то нафталиновое, где певцы только и делают, что голосят. Я в детстве тоже считала оперу занудной и не понимала, как можно такое слушать, хотя сама занималась пением – правда, народным. Оперные певцы, если я случайно наткнулась на них по телевизору, напоминали мне героя мультфильма, который брал верхнюю ноту и лопался. «Кому это интересно?» – думала я. На оперный спектакль впервые попала во время учебы в Музыкальном колледже имени Мусоргского в Санкт-Петербурге на отделении народного пения. Когда меня пригласили, сначала сказала: «В оперу? Никогда!» Но все же пошла, и этот вечер перевернул мою жизнь. Потрясающей красоты Михайловский театр, «Кармен» в классической постановке – я просидела весь спектакль не шелохнувшись и вдруг поняла, что хочу петь оперу.

А сейчас вам больше нравятся классические постановки или новаторские? Я вообще за классику, с красивыми декорациями и костюмами, с понятной зрителю концепцией. Хотя, конечно, современные постановки тоже могут увлечь, тут все зависит от таланта режиссера. А артисту участвовать в чем-то новом – это отдельное удовольствие. Сейчас,

например, я репетирую заглавную партию в опере Густава Холста «Савитри». Ее сюжет напоминает «Орфея и Эвридику», но на индийский манер: за мужем Савитри приходит Смерть, и девушка ведет с ней диалог (а точнее – с ним, потому что это партия баса), пытаюсь спасти жизнь любимого. Эта опера редко исполняется, и опереться в подготовке особенно не на что, но в этом вся фишка, потому что ты первый и есть где развернуться.

Легко ли вам было как «народнице» перековаться в оперную певицу? Когда я влюбилась в оперу, меня очень поддержала мой педагог Наталья Владимировна Силина, спасибо ей огромное. Оставшиеся два курса училища мы с ней пытались что-то нащупать в этом направлении. Дальше я хотела поступать в Санкт-Петербургскую консерваторию. Но как правило, люди идут туда, окончив училище имени Римского-Корсакова, мне так и советовали поступить. То есть сначала поучиться еще четыре годика. Меня это не устраивало. Я тогда не знала ни одного педагога в консерватории, кроме Ирины Петровны Богачевой – ее видела по телевизору. «Вот она мне и подскажет», – подумала я и начала ее ловить. Процесс оказался непростым и напоминал сцены из фильма «Приходите завтра...», потому что мне каждый раз так и говорили: «Приходите завтра!» Однажды

я остановила Ирину Петровну прямо на лестнице, и она сказала: «Приходите послезавтра». Я не сдержалась и выпалила: «А это точно?» Она явно опешила от напора юной нахалки с волосами апельсинового цвета, но кивнула. И вот послезавтра я прихожу к ней в класс. Богачева в хорошем настроении, шутит со своими студентками. При виде меня ее улыбка гаснет, и она строго говорит: «У меня сегодня нет концертмейстера».

После пяти лет в Михайловском театре, где роль Мими в спектакле «Богема» принесла Ольге номинацию на премию «Золотая маска», в 2015 году певица присоединилась к «Геликон-опере». Одна из самых ярких ее партий здесь – свободолюбивая Земфира в «Алеко» Рахманинова

ФОТО: ИРИНА ШЫМЧАК / ГЕЛИКОН-ОПЕРА

А я в ответ: «У меня свой». Открывается дверь, и появляется прекрасная пианистка и моя хорошая знакомая Светочка, которую я в то утро случайно встретила в коридоре. Этот момент надо было видеть. И началась феерия. Первым номером у меня шла ария Лауретты из «Джанни Скикки» Пуччини. Итальянским я ни с кем не занималась и пела на своем собственном варианте. Не моргнув глазом я переделала

«отца» в «ребенка», спев *Oh, mio bambino caro* вместо *Oh, mio bambino caro*. Покончив с Лауреттой, я предложила спеть а капелла народную песню. Ирина Петровна иронически протянула: «Да что вы?..» Но это меня не смутило. В детстве в родном Кингисеппе я пела в народном ансамбле, где была вечная проблема с аккомпаниаторами-баянистами. Мы часто пели а капелла, а это хорошо развивает слух.

Богачева спросила, в какой тональности буду петь. Я говорю: «С нотки фа». Она рассмеялась: «Господи, кто вас ко мне послал?» Но закончила я петь на той же нотке фа, и это, видимо, произвело впечатление – Ирина Петровна посоветовала принести документы в приемную комиссию прямо на следующий день.

Вы производите впечатление темпераментного человека. На сцене это мешает или помогает? →

Думаю, помогает. Но не всегда. Порой сложно управлять своими эмоциями. А они ведь отражаются и на голосе. Часто говорю себе: «Ну будь ты потише, помягче». И пока нередко отодвигаю от себя драматические партии, хотя уже лет пять как имею все данные, чтобы их петь. Драматическая партия – это всегда боль, слезы, потери. Хотя люди приходят в театр именно за эмоциями. Однажды я смотрела «Тоску», где главную партию пела Мария Гулегина. В сцене смерти Каварадосси Тоска три раза произносит «Марио», а потом это знаменитое «а-а-а...». Кто-то его пропевает, а Гулегина крикнула так, что я вся покрылась мурашками. Этого состояния нельзя объяснить. Она просто прожила эту ноту. В тот момент я поняла, что главное на сцене – эмоции. Зритель простит тебе неправильно спетую фразу за ту самую правду, которая отражается в таком вот крике.

Вы сейчас как раз готовитесь выйти в партии Тоски в «Геликон-опере». Собираетесь кричать?

Надеюсь. И что потом еще хватит сил допеть до конца. *(Смеется.)* Моя первая драматическая роль – Лизы в «Пиковой даме» – была настолько подготовлена, что меня можно было ночью разбудить, и я начала бы петь с любой ноты. Когда часами готовишь партию до состояния полного ее в тебе растворения, на это можно уже наносить эмоции, и тогда на сцене хоть вниз головой виси – все будет в порядке. Надеюсь, что так произойдет и сейчас.

Какие партии вы хотели бы спеть? Весь драматический репертуар, особенно Пуччини. Мечтаю о «Манон Леско». Потом «Андре Шенье» Джордано. Я уже на пути к этим партиям. «Катерина Измайлова» Шостаковича. Такие роли манят и провоцируют.

А есть ли партии, которые никакого отголоска внутри не вызывают?

«Ну что за инфантильная девчонка!» – думала я. Зато отыгралась в 2015 году, когда «Евгения Онегина» поставили в «Геликон-опере». Моя Татьяна там – не какая-нибудь робкая амеба»

Сейчас в репертуаре Ольги в «Геликон-опере» 12 партий. Одна из самых любимых певицей – зашкаливающая по накалу страстей роль Марии в опере «Мазепа» Чайковского, поставленной Дмитрием Бертманом

Конечно. Тогда приходится по максимуму включать профессионализм. Вот, например, Донна Анна в «Каменном госте» Даргомыжского вообще никак мне не зашла. Или моя первая Татьяна в «Евгении Онегине» в Михайловском театре. «Ну что за инфантильная девчонка!» – думала я. Зато отыгралась в 2015 году, когда Дмитрий Александрович Бертман поставил «Евгения Онегина» в «Геликон-опере». Моя Татьяна там – не какая-нибудь робкая амеба. Ведь на самом деле у нее внутри просто черт знает что творится.

Сколько часов нужно ежедневно репетировать при подготовке партии? Музыканты-солисты могут играть по пять-шесть часов, но голос – специфический инструмент. Выдержит ли он большую нагрузку?

Конечно, по пять часов никто не поет. Я занимаюсь вокалом максимум по два часа, когда ввожусь в спектакль. Подготовка к партии включает много моментов, не только пение. Процесс начинается, когда ты взял в руки клавиш. Я выделяю свою партию, тщательно прорабатываю, потом начинаю работу с концертмейстером. Когда уже свободно владею текстом, встречаюсь с дирижером, который будет вести спектакль. А с педагогом по вокалу мы оттачиваем технически сложные моменты. Вообще всегда хорошо поработать с как можно большим количеством людей – вот бусинки и нанизываются.

Вы как-то сказали, что у вас два дома: семья и «Геликон-опера».

Да, мне повезло. Я пришла в «Геликон-оперу» в 2015 году в непростой момент жизни. Родные находились далеко, а своей семьи еще не было. И вот при обсуждении моего репертуара заместитель генерального директора театра Илья Анатольевич Ильин сказал: «Добро пожаловать к нам в семью, в наш дом!» Мне стало очень тепло от его слов, и я это ощущаю поныне. В моем представлении театр-дом – это небольшой театр, где все друг друга знают и всегда здороваются, в том числе с уборщицами и рабочими сцены. Здесь нет открытых конфликтов, потому что люди доброжелательны и расположены друг к другу.

Собственная семья тоже вскоре появилась, а с недавних пор нас стало трое: в прошлом году родилась дочка. Но я продолжаю работать. В этом заслуга мужа, так как в официальном декрете именно он. И я безмерно благодарна ему за то, что он отпустил меня делать мое дело. Муж – тоже музыкант. Он скрипач в оркестре Большого театра, а по совместительству – мой глаза и уши в зале. Ему я беспрекословно доверяю. Ко мне может подойти весь театр и сказать, как шикарно я спела спектакль, а он вдруг бросит: «Это было в санитарных нормах, но вот там-то ты недотянула». И я поверю ему.